

Игорь Бобров

**ТОРЖЕСТВУЙ,
РОССИЯ!**

История десятая

**АВТОМОБИЛЬ
МЕЧТЫ**

2020

Однажды, совершенно случайно, в великой стране под названием Россия оказался магический доллар, доллар исполнения желаний. Путешествуя из рук в руки, он исполняет сокровенные желания своих владельцев, иногда совершенно необычные или даже нелепые. И это полностью изменяет жизнь героев наших историй.

Эта книга не о политике и не о магии. Эта книга о нас с вами. О наших мечтах и желаниях. О том, какими странными они иногда бывают. Кого-то истории из этой книги заставят просто улыбнуться, кто-то будет переживать вместе с героями, а кто-то и задумается. Задумается о том, есть ли у него настоящая мечта. Та, которую мог бы исполнить тот самый магический доллар, доллар исполнения желаний. Ведь без мечты жизнь пустая и скучная.

Все совпадения с реальными событиями и персонажами случайны.

В 10 часов утра 13 сентября 1998 года Владимир Сергеевич Славин, как обычно, включил компьютеры в своем офисе на 12-м этаже здания в одном из районов Москвы. Славин тупо, со злостью, смотрел на мониторы, установленные на его рабочем столе. Уже почти месяц прошел после прекращения выплат по государственным краткосрочным облигациям или, по сути, объявления в стране внутреннего дефолта.

На одном из мониторов на сером экране по-прежнему светилась надпись: «Торги по ГКО прекращены», на другом — разноцветные кривые линии начали свой ежедневный танец. Это был монитор компьютера, подключенного к серверу московской фондовой биржи, с котировками акций российских предприятий в режиме реального времени. Кривые линии несколько минут метались где-то в нижнем секторе экрана, потом внезапно все вместе резко клюнули вниз, устремившись к самой нижней отметке.

Монитор мигнул, изображение на несколько секунд погасло, а затем на нем появилась надпись: «Торги на бирже остановлены». Это означало, что котировки акций провалились ниже установленного на этот день минимума и, не допуская паники, руководство биржи просто прекратило продажи. Торги останавливали уже не в первый раз. Все попытки запустить биржу после 17 августа 1998 года, когда государство объявило о прекращении выплат по облигациям внутреннего займа, заканчивались именно этим.

События последних нескольких дней можно было без преувеличения назвать полным крахом. Крахом фондовых рынков, а значит, и всей кредитно-денежной политики России последних лет. Для Владимира Славина это был крах всех его надежд, а может быть, и всей жизни. Последние два года Славин успешно играл на фондовом

рынке. Сначала вкладывая только свои деньги, а в последнее время — и чужие. Он понимал, что те, кто поверил ему и вложилась по его советам в акции и ГКО, этого краха не простят. Деньги были не просто большие — огромные, и, даже если продать все, что у него есть, он не наберет и десятой части потерянных средств.

Владимир выключил бесполезные мониторы, подошел к бару в углу кабинета. Уже привычным движением налил почти полный стакан водки. От запаха алкоголя его замутило. Организм отказывался пить. Владимир поставил на место стакан и посмотрел в зеркало. На него смотрело опухшее от непрерывного пьянства последних дней лицо измученного человека, с огромными мешками под глазами и красным, налившимся кровью от треснувшего сосуда, правым глазом. Алкоголь спасал рассудок, но не щадил организм...

Работа брокера требует огромных нервных нагрузок. Он в течение дня сотни раз принимает решения о покупке или продаже акций. От его действий зависит судьба сотен тысяч, а иногда и миллионов долларов. А когда биржи начинает лихорадить, психологические нагрузки многократно увеличиваются. Но самое страшное происходит во время экономических кризисов. Известный факт, что во время кризиса в США в 1929 году, когда одновременно рухнули акции большинства компаний, десятки брокеров покончили с собой. Не выдержав психологических перегрузок, доведенные до отчаянья, они прыгали из окон небоскребов. А ведь это были просто деньги, но — чужие деньги...

Эти почти четыре недели после начала кризиса довели мозг Владимира до крайней точки. Первое время помогал алкоголь, но сейчас уже и водка не давала облегчения. Наоборот, после длительного пьянства наступила депрессия, жизнь казалась черной и ненужной.

Спасительная мысль покончить с собой не оставляла его последние дни. Ведь это так просто — открыть окно, встать на подоконник, несколько секунд свободного полета — и все. Все закончится. Не будет ни долгов, ни этих страшных пустых мониторов. Ведь у него 12 этаж, внизу бетон. Все так просто!

Славин трясущимися руками открыл окно, подставил стул, встал на него. Еще один шаг, потом прыжок и... все. Яркое солнце, голубое, без единого облачка, небо. Еще немного, и он будет где-то там, на небесах. Там будет легко и спокойно. Славин последний раз посмотрел вниз. Прямо под его окном стояла... его детская мечта.

«Этого не может быть, ведь я еще не в раю», — подумал Владимир.

Славин зажмурился и снова открыл глаза — мечта не пропала. Наоборот, она стала как-то ярче, праздничнее и переливалась в лучах яркого полуденного солнца. Во дворе стоял лучший в мире автомобиль, — кабриолет экстра- класса, давняя и, казалось бы, несбыточная мечта. В этот момент кто-то без стука ворвался в кабинет, и чьи-то сильные руки обхватили его и стащили со стула.

— Ты совсем спятил со своими акциями! — услышал он знакомый голос. Это был Семен, его бывший водитель, а потом друг и партнер по первому бизнесу.

Через несколько минут друзья сидели за столом, и Семен разливал по стаканам какой-то душистый, вкусно пахнущий напиток.

— Я не могу больше пить, я уже почти месяц не просыхаю. Меня от водки тошнит.

— Так то — водка, а это — самогончик. Мой личный. Сам готовлю, на травах настаиваю. Лучше любого виски будет, — приговаривал Семен, нарезая бочковые

огурчики и раскладывая на тарелку соленые грузди и домашнего засола капусту из принесенных в сумке банок.

Володя зажмурился и залпом выпил. Как ни странно, организм безропотно принял живительный напиток. Спасительное тепло разлилось по телу, головная боль отступила, мир стал ярче и светлее.

— Ты где его взял? — спросил Володя про кабриолет.

— Где взял, где взял? Купил, — смеясь, ответил Семен.

— Так он же не продается!

— Кризис на дворе, — может, слышал. Сейчас все продается. Давай еще по одной, и поедем кататься. Внизу водила заждался.

Через несколько минут друзья блаженно развалились на мягких велюровых сиденьях автомобиля. Лучший в мире кабриолет, вершина автомобильной промышленности уже не существующего Советского Союза, созданный исключительно для военных парадов, «ЗИЛ–41044» неспешно катил по Москве. Всякие там «Тойоты», «Мазды» и даже «Мерседесы» и «БМВ» вежливо уступали дорогу. Удивленные прохожие останавливались и провожали это чудо восторженными глазами, гаишники немедленно вытягивались по стойке смирно и отдавали честь. В просторной кабине машины всего три места — одно для водителя и два для пассажиров — поэтому друзья вальяжно вытянули ноги, а Семен даже умудрился накрыть маленький импровизированный столик. На столике стояли две стопки с волшебным напитком и все те же порезанные домашние огурчики.

Это было счастье! Парад победы! Осуществление мечты!

— Куда мы едем? — наконец спросил Славин.

— Как куда? К Гене. На двоих пить как-то неправильно. Третий нужен. Да и не виделись мы с ним давно, — смеясь, ответил Семен.

Гена! Гена-Крокодил! Верный друг и соратник. Тот, с которого все когда-то началось...

Статистика — наука точная. Сегодня в России на трех человек приходится один личный автомобиль. Автомобили заполнили все. Они дымят в пробках, несутся по автострадам и стоят во всех дворах, на детских площадках, на тротуарах и пешеходных переходах. Они едут к нам со всех концов света — новые и старые, дорогие и не очень. И с каждым годом их становится все больше и больше. Сейчас трудно поверить, что так было не всегда. Каких-нибудь 25–30 лет назад личных автомобилей в стране было раз в десять меньше, и любая самая простенькая автомашинка считалась роскошью и мечтой всей жизни. Стоит напомнить, что в стране тогда были только автомобили отечественного производства. А всякие там «Мерседесы», «Форды» и «Тойоты» советский человек видел только в кино или при редких поездках за границу.

Когда-то Рональд Рейган назвал СССР империей зла. Может, из-за бугра эта страна и казалась кому-то таковой, но внутри это была империя очередей. В стране тотального дефицита очереди были на все: на холодильники и телевизоры, на мебель и импортные сапоги. Особые очереди были на квартиры, а самые длинные — на автомашины.

Надо отметить, что автомобили, конечно, давали не даром, а за деньги, и стоили они дорого, даже очень дорого. Самый ходовой и дешевый, не очень престижный «Жигуленок» первой модели стоил около 6 тысяч, и это

при средней зарплате в стране 200 рублей! Но ради машины семья готова была влезть в бесконечные долги, несколько лет есть только картошку и макароны и во всем себе отказывать. Конечно, существовал и черный рынок, где десятилетняя машина стоила, как новая, а новая — две, а то и три цены.

В любые времена все настоящие мужчины мечтают иметь собственный автомобиль. Автовладельцы же делятся на две категории. Первая категория — потребители. Они хотят иметь просто средство передвижения. Удобное, комфортное, престижное. Автомобиль для них — это просто средство доставки из пункта А в пункт Б, и ничего более. Вторая категория — фанаты. Для них машина — живое существо, это член семьи, это мечта.

Фанаты разбираются во всех мировых марках и брендах. Мгновенно скажут тебе, чем отличается элитный «Ягуар» от обыкновенного «Порше», и какие у последней модели «Лексуса» подвеска и мощность двигателя. Они, не доверяя многочисленным сервисам, своими руками ремонтируют свое детище, каждый день его моют, глядят и дают ему красивые имена. В последнее время фанатов все меньше и меньше, но все-таки они еще есть...

В семье Володи Славина автомобильными фанатами были все. Дед уже давно ушел на пенсию, но в войну танкистом дошел до Берлина, два раза горел в танках и всегда говорил, что именно они спасли ему жизнь. Он почти всю жизнь проработал на московском заводе ЗИЛ, имел собственный «Москвич», но всегда мечтал о «Волге», называя эту машину русским «Мерседесом». Отец работал механиком в Кремлевском автомобильном гараже. И этим все сказано — ведь он каждый день имел

уникальную возможность прикоснуться к самым лучшим образцам отечественного машиностроения.

По выходным семья часто собиралась на небольшом дачном участке, где был построен дощатый домик, дружно занималась нехитрыми садовыми работами, а вечерами за рюмкой домашней настойки обсуждала мировое автомобилестроение. Маленький Володя слушал умные разговоры взрослых мужчин и, конечно, тоже понемногу превращался в автомобильного фаната.

Однажды семье выпало большое счастье. Отцу дали целых два пригласительных билета на трибуны военного парада в честь Дня Победы на Красной площади в Москве. На семейном совете было решено отправить на парад заслуженного танкиста — деда и школьника — внука. Остальные, конечно, тоже участвовали в конкурсе, но в семье царил патриархат, и слово деда стало решающим.

Володя с нетерпением ждал этого события, и каждый вечер считал, сколько дней и даже часов еще оставалось. Наконец наступило 9 Мая. Дед достал из шкафа и надел парадный темный костюм. Бабушка аккуратно прикрепила к нему все его боевые ордена и награды. Вся семья восхищенно ахнула. Дед и внук — героическое прошлое и светлое будущее — вместе поехали смотреть на парад главного праздника великой державы.

Кремлевские куранты пробили десять часов утра. Из ворот Спасской башни величественно выплыли два великолепных, сказочно прекрасных автомобиля. Роскошные, благородного темно-серого цвета, с апельсиново-солнечными сидениями, кабриолеты везли стоящих во весь рост в парадной форме министра обороны Советского Союза и генерала, командующего парадом. Уникальные машины празднично сверкали в лучах весеннего солнца. Это был первый выезд новых

парадных кабриолетов «ЗИЛ–41044», собранных по специальному заказу на московском автозаводе имени Лихачева.

— Наши! — Лучшие в мире! У американцев таких — нет, — гордо сказал дед.

Рассчитанная до секунд синхронная четкость движения поражала. Автомобили неторопливо объезжали выстроенных безукоризненными рядами участников парада, делая короткие остановки.

— Поздравляю с праздником Великой Победы, — четким голосом говорил министр.

— Ура-а-а-а! — громогласно отвечал парадный строй. Тысячи глаз с трибун на главной площади страны, миллионы — у экранов телевизоров неотрывно следили за этим волшебным действием.

Потом по Красной площади проедут грозные боевые машины пехоты, с грохотом пройдут танки и даже прокатят огромные тягачи, тянущие за собой ракеты, но все это было уже не то. Именно эти два новеньких сверкающих автомобиля в самое сердце поразят Володю. Весь вечер за столом мужчины только и говорили о достоинствах этих новых машин.

— Шесть с половиной метров в длину. Уникальная коробка-автомат. Двигатель — триста лошадей! Кондиционер. Скорость до 190 километров в час, — говорил всезнающий автомеханик — Володин отец.

— Вот можем же, когда захотим! — вторил ему дед.

— А купить такую машину простые люди могут? — любопытствовал Володя.

— Нет, конечно, эти автомобили не продаются.

— А покататься на ней можно?

— Не-е-ет. Эти машины выпустили специально только для парадов. Ну, разве, если ты станешь министром обороны или генералом, командующим парадом, —

смеялся отец. — Даже водителей на них отбирают из числа самых лучших, и в чине не ниже подполковника, — сесть за руль — большая честь.

Ночью Володе приснился дивный сон. Он, развалившись на мягком заднем сиденье парадного кабриолета, неспешно едет по Москве. Все другие машины расступаются, пропуская вперед лучшую в мире машину. Прохожие останавливаются и восторженно приветствуют пассажира. Милиционеры вытягиваются по стойке смирно и отдают честь. В эту ночь у мальчика Володи появилась заветная мечта.

Шли годы. Так уж случилось, что семья Славиных жила не в самой Москве, а в ближнем Подмосковье, в маленьком рабочем городке с красивым русским названием Заречье. Отец рано утром каждый день садился на электричку и уезжал в Москву, в Кремль, на свою работу. Приезжал поздно вечером. Это, конечно, было неудобно, но отец очень любил свою работу, красивые элитные автомобили, которые возили первых лиц государства, и менять работу наотрез отказывался. В Заречье имелось только одно большое предприятие — ликероводочный завод. Несмотря на антиалкогольную кампанию, завод продолжал работать на полную мощность, так как выпускал элитные сорта водки к столу высокопоставленных слуг народа. А на них кампания, похоже, не распространялась.

— Выпить у нас есть, надо еще мясокомбинат открыть, а то закусить нечем, — шутили жители городка.

Смех смехом, но на самом деле в стране всеобщего дефицита это было очень важно. На территории завода работал магазинчик, продавая свою продукцию для рабочих, да и неистребимые «несуны», несмотря на

строжайшие проверки на проходной, умудрялись снабжать жителей городка продукцией завода по демпинговым ценам. Водку или спирт с завода выносили в грелках, привязанных к спине, а когда в годы антиалкогольной кампании контроль ужесточили, стали просто перекидывать грелки через забор в условленных местах. Бороться с этим было невозможно. Водка жителями городка тут же менялась у спекулянтов на мясо и продукты питания. Так в то время жила почти вся страна.

«Кто что охраняет, тот то и имеет», — говорил один из известных сатириков.

Володя окончил автомобильный институт, про другой в семье автолюбителей не могло быть и речи, и начал свою деятельность на московском заводе ЗИЛ. Завод раньше носил гордое имя Сталина, но после хрущевского разоблачения культа личности название сменили, и он стал именоваться в честь первого директора завода — Лихачева. Над центральной проходной красовалась целая серия орденов, полученных заводом в разное время. Основная продукция завода — грузовые автомобили «ЗИЛ», но в отдельном цехе собирались роскошные лимузины для первых лиц государства, и те самые парадные кабриолеты тоже были изготовлены здесь.

На этом заводе много лет проработал глава семьи Славиных — Володин дедушка, он дослужился до начальника цеха и в положенное время благополучно ушел на пенсию. На пенсии дед активно занялся садоводством, удивлял соседей необыкновенными сортами яблок и продолжал любить и гладить свой полученный на заводе «Москвиченок».

Дедовский «Москвич» уже изрядно побегал за свою жизнь, часто ломался, и семья мечтала о новой машине. Отец Володи стоял на своей работе в очереди на машину,

и очередь эта, хоть и медленно, но двигалась. К покупке нового автомобиля семья готовилась заранее. Несколько лет назад Володин отец вступил в гаражный кооператив, которому выделили земельный участок на окраине городка, и с помощью друзей самостроем построил просторный каменный гараж. Дом для будущего друга и члена семьи был готов. Вечерами мужчины, уже который раз, разглядывали фотографии новых моделей автомобилей «Жигули» в журнале «За рулем», изучали характеристики машин. Мнения разделились. Дед и отец хотели более престижную и комфортную седьмую модель, Володя мечтал о быстрой и модной «девятке».

— Какую дадут — такую и купим, — говорил отец, и вся семья согласилась.

Водительские права были, конечно, у всей мужской половины семьи. Володя иногда брал ключи у деда, дабы прокатится до Москвы с друзьями.

Дед каждый раз ворчал и строго наказывал:

— Не гонять! Машину беречь! За рулём не пить! Правила не нарушать!

И вот, наконец, на работе у Володиного отца подошла очередь на машину. На подходе была партия «Жигулей–семерок». Денег, даже по государственной цене, не хватало, и на семейном совете было решено продать старенький дедовский «Москвич» и купить на всю семью нового красавца. Любимую машину дед продал своему другу, соседу, тоже фронтовику. Продал недорого. Дед не умел торговаться, да и стыдно ему было продавать старую машину за большие деньги. До приобретения нового автомобиля оставались считанные дни, и тут случилось страшное горе. Шел 1992 год, государство планомерно отпускало цены на все товары, пытаясь

таким образом сгладить товарный голод. Пришла и очередь автомобилей.

Распоряжением Совета Министров машины за один день резко подорожали. Цены на них выросли сразу в два раза. Это был настоящий крах. Крах автомобильных надежд семьи Славиных.

Дед, потеряв не только машину, но и возможность ездить на дачу к своим любимым яблоням, совсем захандрил и вскоре слег, — сказывались боевые раны и больное сердце.

Как-то к Славиным в гости зашел старый друг деда, директор местного ликероводочного завода. Прослышав про семейное горе, он подозвал к себе Володю и сказал: — Ты вот что, сходи к начальнику нашего гаража, сейчас нам разрешили продавать бывшие в употреблении машины простым гражданам. Быть может, он что-нибудь придумает.

Начальник гаража, усатый мудрый Сан Саныч, сразу посылал «просильщиков» куда подальше, таких ходочков у него было предостаточно, но учитывая просьбу директора и заслуги деда, решил все-таки помочь. В дальнем углу на территории гаража на спущенных разодранных колесах уныло стоял маленький грузовичок. Точнее, то, что от него осталось. Когда-то это был двухместный пикап на базе автомобиля «Москвич», в простонародье — «пирожок». Судя по внешнему виду, «пирожок» на скорости перевернулся, на крыше хорошо проехался по кустам и врезался в дерево.

— Водитель хоть жив? — спросил Володя.

— Ни одной царапины. Всем говорит, что от лобового с пьяным трактором увернулся, но на самом деле сам под градусом был. Пока отгулы взял, — неделю пьет за второе рождение. Из запоя выйдет — увольнять будем по статье.

— Вот — это я тебе могу отдать, точнее — продать, но почти по цене металлолома, — сказал Сан Саныч, показывая на разбитый «Москвич».

— И что я с этой грудой железа буду делать?

— Тебе ничего делать не надо. Ты моим ребятам заплати, и они его восстановят. Как новый не получится, конечно, но движок целый, ездить будет, — пообещал Сан Саныч.

На том и порешили.

Уже через две недели Володя пришел забирать первый в своей жизни автомобиль. Кулибины из заводского гаража задачу выполнили, как смогли. Прежний, смятый в лепешку, кузов-коробок полностью отрезали и вместо него просто приделали борта из деревянных досок. «Морду» подправили, но вмятины на дверях и на капоте остались. После это чудище покрасили обыкновенной матовой темно-зеленой краской, причем, красили, похоже, кисточкой, отчего на машине остались характерные полосы. Таких авто наша промышленность никогда не выпускала, — маленький бортовой грузовичок смотрелся крайне непривычно. К тому же, колеса у этого творения были все разные, причем, не только по рисунку протектора, но и по высоте, — похоже, их собирали по всему гаражу, где что заваливалось.

Последняя суббота мая выдалась теплой и солнечной, и Сан Саныч, вместе с двумя слесарями, расположился на пустых ящиках, мирно попивая пивко и греясь на солнышке в свой законный выходной.

— Пивка? — предложил один из слесарей.

— Ему нельзя, он сегодня за рулем, — определил Володин новый статус Сан Саныч.

— А ездить это чудище может? — спросил Володя, обойдя вокруг странного творения.

— Обижаешь, начальник, машина — зверь! — сказал один из слесарей и сел за руль.

Машина взревела, из выхлопной трубы пошел черный дым. Когда черный дым сменился на белый, зеленое чудище слегка подпрыгнуло и резво, хоть и с металлическим скрежетом, покатило по двору гаража. Сделав круг, машина лихо остановилась, скрипнув тормозами.

— Первая скорость не работает, приходится стартовать сразу со второй, потому и прыгает, но это ничего, — привыкнешь. Ну, а за колеса извини, новые заказали, но когда придут, не знаю, — сказал Сан Саныч.

Володя подписал акт приема-передачи и получил техпаспорт.

—А ключи? — спохватился он, еще плохо сознавая, что стал автовладельцем.

Слесарь протянул ему маленький перочинный ножик.

— А двери?

— Им же и двери открываются. Зато удобно — можно, если что, и колбаску порезать, — получил Славин исчерпывающий ответ.

Володя сел за руль и начал осваивать это невероятное творение местных Кулибиных. Сначала зеленый зверь не желал слушаться, постоянно глох на перекрестках, но уже через несколько километров Володя приспособился к его норову и решил с ветерком прокатиться по шоссе. На выезде из городка, на посту ГАИ в своем мотоцикле «Урал» мирно дремал единственный в маленьком городке гаишник Петрович. Завидев чудище зеленое, Петрович мгновенно проснулся, замахал жезлом и одновременно засвистел в свисток. Володя остановился и вышел из машины. Славин всегда любил хорошо одеваться, и на этот раз на нем был модный серый костюм и белая рубашка. Его внешний вид явно не гармонировал с

необычным транспортным средством. Петрович протер глаза, внимательно осмотрел Володю и машину.

— А я думал, приснилось мне, — наконец, сказал он. Петрович прекрасно и давно знал семью Славиных, но документы разглядывал со всех сторон минут пять. Услышав историю второго рождения автомобиля, Петрович подвел итог:

— Значит, так — ездить на этом транспорте нельзя, так как колеса все разные и внешний вид не соответствует модели. Но так как вашу семью и лично вас я знаю и уважаю, то можно, но только в нашем городе и потихоньку. Когда колеса получите, съездим в районную ГАИ, надо техосмотр заново пройти, там и решим по поводу модели.

— Спасибо, Петрович, с меня причитается, — весело сказал Володя и покатил дальше осваивать свой первый в жизни личный автомобиль.

Приобретение полагалось обмыть. Вечером близкие друзья собрались у Славиных дома на банкет. Володя вообще-то был почти непьющий, но на этот раз он позволил себе расслабиться. С каждой выпитой рюмкой обретенное сегодня чудище становилось все красивее и красивее, и где-то после пятого тоста он уже любил его всей душой. Во время банкета был объявлен конкурс на лучшее имя для нового члена семьи. В те годы наша промышленность выпускала грузовик забавного ушастоглазастого вида. За этот странный дизайн машину прозвали «Чебурашка». Ну, а раз есть Чебурашка, значит, должен быть и Крокодил Гена. Так зеленый автомобиль получил свое имя.

Уже светало, когда даже самые стойкие гости устали пить. Володя гордо пообещал всех развезти по домам. В кабину сел крестный отец Гены — директор гаража Сан Саныч. В кузове на деревянной лавке устроились друг

Володи, председатель местного кооператива, и отец Володи, который тоже решил прокатиться. Володя, как положено, прогрел двигатель и уже отработанным вариантом запустил Гену сразу со второй скорости вперед. Гена резво дернулся, но потом, проехав несколько метров, уперся, как норовистый конь. Сильно запахло горелым. По кабине отчаянно заколотили кулаками пассажиры.

— Стоп! Глуши движок! — скомандовал Сан Саныч. Все вышли из машины. У Гены из-под колес шел черный дым, даже спьяну стало ясно, что спущены все четыре колеса. — Похоже, колеса проткнули, хулиганье проклятое! — сказал самый опытный Сан Саныч.

Аттракцион «Эх прокачу!» не состоялся. В какой-то момент изрядно подвыпившие мужчины даже попытались отнести Гену в гараж на руках, но пьяных сил явно не хватало.

— Никуда не денется, утром разберемся, — наконец, сказал Володя.

— Сейчас всем спать, а в десять утра сюда, — будем Гену обувать, — подвел итог вечера Сан Саныч.

Оставив своего Крокодила прямо посреди дороги, компания разбрелась по домам.

Утром городок мог наблюдать редкую картину. Четверо серьезных уважаемых мужчин ходили вокруг странного вида машины и поочередно пинали ногами колеса, хотя и так было видно, что колеса спущены. Наконец, приехала ремонтная дежурка из гаража и привезла домкрат и насос. К счастью, оказалось, что колеса не проколоты, а похулигански спущены, и надо их просто накачать. Мужчины поочередно качали ручным насосом колеса, а Сан Саныч при этом приговаривал: — Любишь себя катать — люби колеса качать!

— С утра качнул, что пивка хлебнул! — импровизировал на ходу Володя.

Без этой шоферской мудрости с похмелья качать было бы совсем тяжко. Потом, не отходя от приободрившегося Гены, провели высший совет, который вынес неизбежное решение — автомобиль, даже такой неказистый, на ночь оставлять без присмотра нельзя, то бишь, надо отправлять его ночевать в гараж.

Надо сказать, что в то время автомобили не жили на улицах, они жили в гаражах. Отсутствие на выпускаемых нашим автопромом машинах какой-либо сигнализации и защиты от угона делало их легкой добычей для воров. Хитрые кричащие, орущие, звенящие сигнализации еще не дошли до страны, и автомобили тихо и покорно молчали, когда наглые вору снимали с них дефицитные колеса, вскрывали двери и выдирали с корнем радиоприемники или — того хуже — угоняли несчастное авто в воровские гаражи и там разбирали на запчасти. На окраине города вырос огромный микрорайон из гаражей, который по площади был немногим меньше своего прародителя.

В гаражах было отопление, холодная и горячая вода, стояли списанные по старости, но еще крепкие диваны, а в некоторых боксах доживали свой век черно-белые телевизоры. Там шла своя, особая, мужская жизнь. Счастливые владельцы авто сбивались в дружные компании-клубы и по выходным обсуждали сложные и важные вопросы. Здесь говорили не только о машинах, но и просто «за жизнь», о судьбах страны и всего человечества. Решение этих глобальных проблем требовало особого состояния ума, и поэтому не обходилось без дополнительного горючего. Жены ненавидели этот гаражный мир всей душой, но сделать ничего не могли. К счастью, Володин отец тоже имел в

этом кооперативе свой гараж, большой и теплый, а это значит, что Гена домом обеспечен.

И вот Крокодил Гена под управлением новоявленного водителя стал исправно возить Володю и всю его семью по городку, в основном, на дачу и обратно. Первое время, увидев скрежетавшего и дымящего уродца, прохожие останавливались и удивленно оглядывались, бабушки испуганно крестились, а автолюбители до хрипоты спорили, из какой страны и какой марки авто. Потихоньку народ привык, а гаишник Петрович, видя явное нарушение правил дорожного движения, отворачивался в сторону и делал вид, что Гены не существует. На заводе Володя работал по сменам, в свободное время он начал подрабатывать у своего друга, председателя кооператива, выполняя транспортные заказы. Благо для этого маленький грузовичок Гена был идеально приспособлен.

Однажды повез Володя девушку, кассира кооператива, в банк за наличкой. По условиям договора с банком, при получении наличных денег должна быть обеспечена вооруженная охрана. Охраной в кооперативе считался бывший десантник, а ныне заядлый охотник, а оружием — его личное законное охотничье ружье. В шутку его так и называли: «человек с ружьем». Охрана знала председателя кооператива, но на этот раз вместо него в банке с большим портфелем в руке появился Володя. Сзади него с ружьем наперевес шел мужик в камуфляже. Охранники банка сработала четко по инструкции. Через несколько секунд Славин и «человек с ружьем» уже лежали на бетонном полу банка с закрученными назад руками.

Спустя некоторое время в кабинете директора банка Володя оправдывался:

— У меня же доверенность есть и чек на получение денег, да и председатель вам звонил.

— Мало ли кто там звонил. Скажите спасибо, что охрана не начала стрелять с порога в странную компанию с большим портфелем и охотничьим ружьем наперевес, — смеялся директор банка.

На этом приключения этого дня не закончились.

Получив кучу денег (сумма в этот раз была особенно крупной, а деньги — в мелких купюрах) компания поехала обратно. Бывший десантник сидел в кузове на специально установленном для него высоком стуле с расчехленным ружьем. Вид у него был крайне боевой, он подозрительным взглядом провожал каждого встречного и, казалось, был готов воевать за кассу кооператива со всеми бандитами Москвы и Московской области сразу. Вдруг Гена странно клюнул на один бок, раздался сильный металлический скрежет. Володя резко затормозил, двигатель заглох. Кассир в ужасе прижала к груди портфель, очки ее мгновенно запотели, в кузове охранник свалился со стула, но уже через секунду принял боевую стойку «стрельба с колена» и целился поочередно в редких прохожих, выискивая среди них вероятного противника. Десантная выучка и годы тренировок не прошли даром!

Прохожие, не понимая, в чем дело, с поднятыми руками шарахнулись в разные стороны от странной машины. Володя вышел из автомобиля. Все оказалось просто: у Гены отвалилось переднее колесо. Сказалась разная высота колес — два болта выкрутились, два просто срезало по дороге — вот оно и отвалилось на полном ходу. Хорошо, хоть скорость была не высокой!

Поскольку у Гены не было багажника, то отсутствовали и домкрат, и инструменты. Володя попытался остановить проезжающие мимо машины и сначала не мог понять,

почему всегда готовые прийти на помощь своему брату автолюбители не останавливаются. Наоборот, резко увеличивают скорость, обходя Гену стороной. Виной всему был все тот же «человек с ружьем», который не прекращал брать на мушку все проезжающие мимо автомобили. Пришлось его успокоить и пересадить для ближней охраны в кабину. Через несколько минут Володе уже усиленно помогали несколько человек, прикручивая пойманное колесо запасными болтами. На следующий день Гене скотили в кузове специальный ящик для запасы и инструмента.

Но стало понятно, что ездить на колесах разной величины действительно не безопасно. Так как обещанное Сан Санычем получение колес по государственным ценам откладывалось на неопределенное время, было решено приобрести Гене новую резину на рынке. Спекулятивные цены оказались заоблачными. За четыре обыкновенных колеса просили почти столько же, сколько еще несколько месяцев назад стоила новая машина. Гиперинфляция в стране обесценила бумажные деньги. Дед страшно ругался, отец сокрушенно вздыхал, но делать было нечего, и Гена получил новые колеса.

Гену в гараже переобули, помыли, натерли специальным составом с воском, отчего он заблестел, и, перекрестив, отправили на техосмотр в районный центр. Впереди ехал начищенный и наглаженный Петрович на своем «Урале», сзади Володя на Крокодиле. На сиденье рядом с Володей позванивал и вкусно пах пакет с презентом для гаишного начальства.

Смотреть на чудо технической мысли собрались все работники районной ГАИ. Гену осматривали со всех сторон, щупали, нюхали, два раза просили завести и проехать. Гена вел себя безупречно и при этом

празднично сиял на солнце. Наконец Петрович, забрав звенящий пакет, удалился в кулуары для вынесения вердикта. Появился он минут через сорок, от него вкусно пахло водочкой и копченой колбаской. Петрович торжественно вручил Слаvinу талон технического осмотра и еще бумагу с печатью и подписью, из которой явствовало, что данный автомобиль «Москвич» после реконструкции и капитального ремонта полностью пригоден к эксплуатации. С такой бумагой теперь можно ездить куда угодно!

Через некоторое время активной эксплуатации, выяснилось, что Крокодил Гена имел не только звериный вид, но и зверский аппетит. Полного бака хватало на два дня. Хранительница домашнего бюджета, Володина мама тихо вздыхала, выдавая ему очередные деньги на бензин, и говорила, что она наконец-то поняла, зачем и на кого они всей семьей работают. Ремонтники в заводском гараже разводили руками, жаловались на старость двигателя, какую-то компрессию и недостаток запчастей. Механик высочайшей квалификации, Володин отец целый день ковырялся в двигателе, потом плюнул, закрыл капот и сказал, что он привык иметь дело с машинами, а не с уродцами на колесах. И тогда мудрый Сан Саныч сказал, что надо собрать совет экспертов гаражного городка.

Он кому-то позвонил, и в субботу после обеда в гараже у Гены появились четверо пожилых, умудренных многолетним опытом автолюбителей. У каждого из экспертов был свой чемоданчик с набором инструментов и приборов. Двигатель Гены проверялся со всех сторон. Эксперты поочередно подходили к нему, что-то замеряли непонятными приборами, подкручивали, нюхали, цокали языками и говорили фразы с красивыми мудреными словами — жиклер, карбюратор, трамблер, компрессия. Дело Володи было уважительно слушать, согласно кивая,

и вовремя наливать в стопки. Для этого на столике в углу гаража разместились закуска и припасенные две бутылки водки. Эксперты иногда встречались за столом, дружно выпивали, хрустели огурчиками и уважительно обменивались мнениями. Все это смахивало на какой-то древний религиозный ритуал. Припасенные две бутылки быстро закончились, а единого мнения о состоянии здоровья Гены не возникло. Один из экспертов неожиданно исчез и через несколько минут появился, неся в руках металлическую штуковину.

— Крестовина для «семерки», новая! — уважительно оценили эксперты.

— На той неделе на рынке купил, жена лично заплатила, — я ей сказал, что без нее наша «ласточка» скоро встанет.

— К Василию, в пятнадцатый, сходи, он там вроде сегодня был, у него «семерка», и крестовина давно стучит, — посоветовали эксперты.

Минут через пятнадцать на столе появились еще две бутылки водки.

— А как же ваша «ласточка» без крестовины? Она же встанет? — поинтересовался Володя.

— Да у меня на ней крестовина почти новая стоит, и еще одна в запасе есть, а эта так, по случаю, для бартера куплена, — получил он ответ.

Экспертный совет продолжался до позднего вечера. Четыре бутылки водки сделали свое дело. Эксперты по дороге домой, поддерживая друг друга, хором пели душевные песни. Судя по слаженности пения, встречались они в этом составе не первый раз и давно спелись. Из разных концов гаражного городка также слышалось хоровое пение. Была суббота — святой день для решения сложных мужских проблем...

Честно говоря, дома у Славиных все очень сомневались, что после пьяного колдовства Гена вообще поедет, но Крокодил прекрасно ездил и сильно умерил свою прожорливость. Теперь бака хватало почти на неделю.

Как-то днем в воскресенье Володя заехал домой на обед и решил часок отдохнуть. Выйдя из дому, он обнаружил в кузове и в кабине своего автомобиля компанию радостных детей дошкольного возраста. Дети поочередно крутили рулевое колесо, тащили в кузов песок из песочницы и были невероятно счастливы. Похоже, они решили, что это новая игрушка на детской площадке. С большим трудом Володя уговорил их, что автомобиль настоящий и сейчас поедет. Дети не верили и упирались.

Наконец, вытащив из кузова последнего сорванца и проверив, что под колесами никто не спрятался, Владимир завел машину и, как всегда лихо, с прыжка, рванул вперед. Крокодил проехал несколько метров и заглох. Володя снова запустил Гену — тот же результат. В институте Славина учили теории автомобилестроения, но не практике, особенно такой хитрой, как ремонт Крокодилов. Штатные манипуляции по проверке зажигания и прочистке карбюратора результатов не дали. Пришлось звонить Сан Санычу. Два водителя из приехавшей дежурки знали про машины намного больше, чем Володя, но, похоже, тоже не все. Несмотря на все их усилия, проклятый Крокодил заводился, но ехать не хотел.

— Это жиклер барахлит, — глубокомысленно сказал старший из водил. — Тут Васильича надо, только он у нас спец.

Безнадежно закрыв капот, он в последний раз обошел Гену по кругу, пнул зачем-то ногой заднее колесо, и вдруг

захохотал, показывая пальцем на выхлопную трубу. Из трубы торчал пучок травы...

— Я здесь не при чем, это дети, — оправдывался Володя, тоже задыхаясь со смеха.

Трубу очистили, Гена прокашлялся и лихо покатил по делам.

Через несколько дней Володя задержался на банкете у друга в кооперативе, где они все вместе круто отмечали крупную сделку. Ставить Гену в гараж, а потом идти пешком домой сильно не хотелось. Было поздно.

— Хулиганы уже все спят, а приличным ворам Гена ни к чему, разве только на запчасти, — успокаивал себя Володя.

Тем более, что электрики из заводского гаража недавно сделали Гене потайную противоугонную кнопку, без которой завести машину было нельзя. В общем, решил он оставить машину до утра под окнами дома.

На рассвете Володя проснулся, выглянул в окно и обомлел. Гены не было! Украли! Любимого ненаглядного красавца Крокодила Гену увели прямо из-под окон, пока его хозяин мирно спал, и уже, наверное, разбирают в каком-нибудь воровском гараже на запчасти. Володя позвонил в милицию и стал сбивчиво объяснять про свою беду. Славин после банкета еще не до конца протрезвел, поэтому на том конце провода никак не могли понять, какого такого Гену украли, и почему крокодил ночевал под окнами. Наконец его заявление об угоне все-таки приняли. Володя напялил старый спортивный костюм, сунул ноги в домашние тапки и без какой-либо надежды побрел по пути возможного угона. И — о, чудо! Буквально за первым же углом одиноко стоял его красавчик. Открытые двери и капот явно свидетельствовали о попытке угона, но Гена был совершенно цел. Володя сел за руль, Гена послушно завелся, но, проехав метров

двадцать, заглох. И тут он вспомнил, что вчера перед уходом на покой, по примеру детишек, заткнул пучком травы выхлопную трубу. Потайную кнопку опытные угонщики, конечно, нашли, но пучок травы в выхлопной трубе — это был высший пилотаж, ноу-хау в противоугонных устройствах.

Володя вышел из машины, и наклонился, чтобы очистить от затычки трубу, но тут ему ловко и очень больно закрутили руки назад, ткнули лицом в кузов, на руках щелкнули наручники. Это как раз вовремя к месту событий подоспели менты. Ребята были новые, только что прибывшие из училища, и Славина не знали.

— Ребята, — залопотал Володя, — я хозяин машины.

— Не похож, — сказал один другому, я хозяина этого драндулета видел, всегда в модном костюме, а это — явный ворюга, — небритый, и разит от него, как из бочки.

— Да это я, у нас банкет вчера был, и живу я здесь, за углом, у меня там документы и костюм с галстуком, — оправдывался Володя.

— В отделении разберемся, — решили менты и запихали предполагаемого вора в «воронку».

До обеда Володя послушно просидел в «обезьяннике», пока не появился начальник отделения — его давний приятель. С хохотом он выслушал всю историю, включая пучок травы в выхлопной трубе. «Угонщика» отвезли обратно домой в том же «воронке». Гена так и стоял посреди дороги с открытым капотом и дверцей, при свете дня на него никто не покушался.

В воскресенье Володя купил пару килограммов разных конфет и раздал их детям во дворе.

— Это вам от Гены, — торжественно объявил он пацанам.

— А Гена — это кто? — спросил веснушчатый карапуз в панамке. — Крокодил?

— Да, это мой друг, и вы спасли его от преждевременной гибели.

Дети были счастливы.

Между тем, нелепые реформы в стране довели экономику до коллапса. Заводы вставали один за другим. Пришла очередь и ЗИЛа, где работал Владимир Славин. Грузовики оказались никому не нужны, правители с отечественных лимузинов пересели на «Мерседесы», даже военные парады, и те отменили. Прославленный завод остался без заказов и почти полностью остановился. Этого глава семьи Славиных уже пережить не смог, и весной деда похоронили.

Проводить ветерана в последний путь пришли более ста человек. Сзади за катафалком с грустным видом ехал Гена. Его кузов весь уставили венками.

— Все! — сказал Владимир Славин после похорон. — С меня хватит. Ухожу в кооператоры, меня давно друг к себе зовет.

— Я с тобой, — неожиданно сказал отец. — Надоело буржуйские «Мерседесы» для всяких уродов мыть. Я нормально работать хочу.

На семейном совете было принято решение не работать на чужого дядю, а открыть собственный семейный кооператив по ремонту автомобилей. Благо, дедовский гараж пустовал, и в нем могла разместиться их первая мастерская.

Уволившись с работы, отец с сыном дали объявление и начали обустривать новое место работы. На следующий день утром возле гаража их поджидал человек в рабочей промасленной одежде, с уставшим от длительной нетрезвой жизни лицом.

— Здравствуйте, Семеном меня зовут, — представился человек. — Водитель я и автомеханик. Возьмите меня на работу в свой кооператив.

— А не тот ли ты водила, который нашего Гену по пьяни на крышу поставил? — спросил отец Володи.

— Я он и есть, — тяжело вздохнул Семен. — Век себе этого не прощу. Я ведь эту машину любил, как родную. А вот черт попутал. Не пью я больше, совсем не пью. Поверьте мне, пожалуйста. Я ведь без машин не могу, они мне во сне снятся.

— Я — против, — отрезал Славин старший. — Сам не пью, и пьяниц не люблю.

— А я — за! — вдруг сказал Володя. — Я ему верю. Да и хороший механик нам позарез нужен.

— Ну, хорошо, — неохотно согласился отец, — берем тебя на поруки. До первой пьянки. Только заказов пока нет, и неизвестно, когда будут. Пока водителем будешь работать.

— Я и без денег пока согласен, — обрадовался Семен, — вы меня только к Гене подпустите. Я ведь виноват перед ним. Извиниться надо.

Так в новом кооперативе появился Семен. Пить он действительно совсем бросил. Гену просто обожал, ежедневно мыл и натирал особым воском. Любовь у них была взаимной. Гена совершенно перестал капризничать, всегда сиял довольным видом и исправно работал на благо кооператива. Заказы не заставили себя долго ждать, и вскоре на ремонт в маленькую мастерскую выстроилась очередь.

Отец Володи продолжал мечтать о хорошей новой машине. Больших денег на ремонтах не зарабатывалось. Гиперинфляция сжирала все попытки накопить на мечту, и тогда Володя решил податься в коммерцию.

Как-то в выходной напросился он в гости к давнему другу семьи Славиных — директору ликеро-водочного завода. Пришел оттуда с задумчивым видом, а потом достал свою записную книжку и плотно засел за

домашний телефон. Два дня вечерами он куда-то звонил, что-то выяснял. Записывал все это в свой блокнот и считал на калькуляторе. Потом запросил отпуск на три дня и уехал вместе со своим другом, председателем торгово-закупочного кооператива. Вернулся он, загадочно улыбаясь, и на все вопросы отвечал уклончиво, что скоро, мол, разбогатеет.

Через некоторое время на ликероводочный завод со всех сторон стали поступать комплектующие для производства новой оригинальной продукции. Из Владимира своим ходом приехали две цистерны с пищевым спиртом, из далекой Калмыкии машина привезла несколько бочек со специальной отдушкой, приготовленной на отварах степных трав. Спирт разбавили водой, добавили отдушку. Получился крепкий напиток с горьковатым, но весьма приятным вкусом и терпким запахом полыни.

Друзья весь вечер в гараже подбирали пропорции по вкусу и, конечно, надрались весьма прилично. К концу дегустации родилось и название — «Князь Владимир». Слишком громкое название смущало, но Володя настоял на своем, ведь такое же название дали новой красивой модели «Москвича», который еще только планировали к выпуску, но Славин уже видел этот автомобиль своим.

На ближайшем стекольном заводе заказали оригинальную бутылку, в местной типографии — красивую этикетку с непонятным гербом и скрещенными мечами.

По договору с директором, кооператоры взяли на несколько дней в аренду одну линию розлива на заводе, договорились с рабочими и изготовили целых 2000 бутылок. И тут выяснилось, что продавать этот напиток через магазины нельзя. Точнее, можно, но необходимо

пройти сертификацию. А это долго и дорого. Оставался черный рынок.

Нелегальную торговлю спиртными напитками во всем районе плотно контролировали известные всей стране солнцевские братки, поэтому все пути вели к ним. По просьбе Славина директор ликеро–водочного завода лично позвонил главному бандюгану, и тот милостиво согласился принять нового поставщика. В тот же день Володя подъехал к офису солнцевских.

Офис был похож на бункер Гитлера из старых военных фильмов и охранялся не хуже. Вся разница была в том, что охрана была одета вместо черной формы СС в спортивные костюмы и короткие кожаные куртки. Володю с ног до головы дважды обыскали и через толстые бронированные двери завели в огромный пустой кабинет без окон, с одним дубовым столом. За столом в большом черном кресле сидело главное бандитское тело. Тело было совсем не старое, в дорогом костюме, белой рубашке без галстука и имело жесткие колючие глаза. Весь разговор длился не более пяти минут. Тело понюхало принесенный напиток, скривилось и спросило:

— Сам-то хоть пробовал?

— Конечно, очень даже хороший напиток, и никакого похмелья.

— Хорошо, — сказала тело, — обычно столь мелкими делами сам я не занимаюсь, но за тебя директор водочного завода просил, я лично подпишу договор.

Договор представлял собой листок бумаги, где от руки было написано: «Бутылки 2000 взял, деньги 1 000 000 отдам через месяц», далее неразборчивая подпись, и все, даже печати никакой не было.

Инфляция в то время уже раскрутилась по полной. Друзья планировали продавать напиток дороже, но торговаться в бункере, похоже, было не принято. Тем

более, и при этой цене прибыль получалась фантастической, ведь при такой схеме ни налогов, ни акцизов платить не требовалось.

С этой бумажкой Володя приехал в кооператив к другу. Председатель, долго вертел в руках бумажку, потом вернул ее Володе и сказал:

— Денег не жалко — еще заработаем. Труда жалко, — ведь столько суеты, и все, похоже, зря...

В бандитскую честность он не верил.

Однако ровно через месяц у Володи дома зазвонил телефон, и незнакомый голос сказал, что ему надо приехать по такому-то адресу, после чего трубку сразу положили. Володя заправил Гену, посадил рядом друга — председателя кооператива, и они покатали в Солнцево. Езды было километров пятьдесят. По дороге обсудили все возможные варианты. Решено было — если что не так, все бросить и бежать.

— Хотя зачем тогда вообще мне было звонить, можно просто про меня забыть. Ведь не пойду же я со своей бумажкой воевать против солнцевских, — успокаивал по дороге себя и друга Володя.

Адрес нашли с трудом — это оказался частный дом на окраине города. На звонок в ворота вышел здоровенный бугай в спортивном костюме. Посмотрев на бумажку, он открыл ворота и запустил Гену во двор. Бугай провел Володю к металлическому гаражу. В гараже сидел старичок еврейского вида в старомодных очках. Взяв бумажку, он кивнул и подвел Славина к куче больших мешков из серой мешковины, в которых обычно в то время хранили картошку.

— Ваши номера 16 и 17, — сказал он.

Володя заглянул в мешки — там были деньги. Засаленные сотки, полтинники, десятки и даже пятерки.

Крупных купюр не было вообще. Народ покупал у уличных торговцев, что подешевле, и на последние.

Деньги продавцы не сортировали, а просто складывали в полиэтиленовые пакеты по 9 купюр одного номинала, завернув пачку десятой. Так поступали с деньгами торгаши на рынке. Внутри каждого пакета была вложена своя бирка, на которой стояла сумма и имя — Маша, Нина, Катя. К мешкам булавками приколоты картонки, и на них шариковой ручкой написаны цифры, на одном 485 000 и на другом — 515 000. В сумме ровно миллион.

— А здесь все правильно? — спросил Володя у очкарика, выдав в себе новичка.

— У нас не банк, здесь не обманут. Видел — там бирки в пакетах с именами. Так вот, был случай, когда в одном пакете не хватило. Продавщицу ту к главному привели. Он ее спросил, какой рукой считала. Она правую ему и показывает. Он на стол руку положил и молотком — по пальцам со всей силы. Она до сих пор переломы лечит. С тех пор все точно, можно не пересчитывать.

Очкарик аккуратно подшил Володину бумажку в папку. Славин закинул мешки в кузов — и все. Считать и расписываться в этих кругах было не принято.

На обратном пути Крокодила остановили на посту ГАИ. Пожилому сержанту явно не нравился внешний вид автомобиля, но все документы были в порядке. Он уже хотел отпустить водителя странной машины с миром, но вдруг лицо его осветилось радостью.

— У вас права недействительны, — обратился он Володе.

— Не может быть, я сам сдавал экзамены и лично их получал в ГАИ, и срок еще не истек.

— А вот, смотри, здесь есть графа — «Личная подпись», а подписи-то и нет.

Подписи, и правда, не было.

— Вы отвернитесь на минутку, я распишусь, — попытался обнаглеть Володя.

— Что везете? — спросил сержант, идея за бесплатно отвернуться ему явно не понравилась.

— Картошку.

— Отсыпь ведерко, и я отвернусь, — предложил компромисс сержант.

— Она мелкая, вам не понравится, — попробовал отбодаться Володя.

— Ну, а сто рублей у тебя хоть есть? — спросил сержант с сомнением, еще раз оглядев Гену.

В дорогу за таким солидным грузом, чтобы не привлекать внимания, друзья надели старые рабочие штаны и майки, поэтому в их платежеспособность плохо верилось. Володя достал из кармана изрядно поношенных брюк дорогое кожаное портмоне. Там были аккуратно уложены пятисотки и новенькие, только что выпущенные в оборот, тысячные. Так получилось, что утром он взял в кассе своего кооператива на подотчет деньги для покупки нового компрессора в мастерскую, но до магазина, по понятным причинам, так и не добрался. Лицо у сержанта вытянулось, глаза округлились, в горле что-то заклокотало. Но было поздно, сумма дани уже озвучена. Володя отыскал среди крупняка сотку и протянул ее сержанту. Сотка исчезла в сержантском кармане, можно было продолжать путь, но, заглянув в кузов, Володя ужаснулся — вместо двух мешков там лежал один. Второй мешок выпал где-то по дороге. К удивлению сержанта, странная машина развернулась и покатила назад.

Володин друг невозмутимо сидел на месте пассажира, за все время путешествия он так ни разу и не вышел из машины.

— Мешок с бабками потеряли, — сказал Володя.

— Как пришло, так и ушло, — философски заметил друг, — смотри, второй не потеряй.

Через пару километров друзья увидели свой денежный мешок. Он выпал на повороте и скатился в кювет — это его и спасло. Машины проезжали мимо, не подозревая, что в кустах лежит целое состояние. Мешок погрузили обратно и привязали к запасному колесу.

Увидев Гену, гаишник снова замахал палкой.

— Нас с напарником двое, а ваша сотня на двоих ну совсем не делится, — почти виновато сказал он.

Сотенных в портмоне не оказалось, пришлось выдать ему пятисотку. Сдачи гаишник, конечно, не дал, — видимо, он быстро вычислил, что шестьсот на двоих нормально делится.

— Интересно, — рассуждали друзья по дороге, — сколько бы он запросил, если бы узнал, что благодаря этой остановке мы вернули потерянный мешок с огромными деньгами.

Одного мешка «картошки» вполне хватило для покрытия всех расходов на производство «левой» водки, второй решили поделить по-братски. А пока Володя занес мешок домой и засунул его в шкаф в прихожей. Отец уехал на несколько дней в командировку за запчастями, дома была одна мать.

— Что ты там принес? — спросила мама.

— Картошку, — уже привычно ответил Володя и ушел. А через пару часов мама позвонила Володе на работу.

Из Москвы приехал ее племянник, просит в долг тысячу рублей — на холодильник.

— Конечно, дай! Возьми там, в мешке, в шкафу.

— Там же картошка.

— Ну, не совсем, — сказал Володя и положил трубку. Через несколько минут мама снова позвонила. Голос у нее дрожал:

— Там, там, там... целый мешок денег. Где ты его взял?

— На дороге нашел, — почти правду сказал Володя. — И хватит звонить по пустякам, на работе я.

Домой Володя пришел поздно вечером. На кухне сидела мама с племянником, они нервно пили водку и закусывали маринованными огурцами из банки. Раньше Володя никогда не видел, чтобы его милая интеллигентная мама пила водку с огурцами. Племянник, двухметровый двадцатилетний парень, утешал ее, как мог.

— Так ведь мешок просто так в шкафу лежал. Такие деньжищи. В наше время и за сто рублей убивают, — жаловалась родственнику мама.

— Завтра их здесь не будет,— успокоил ее Володя, выпил водки за компанию и ушел спать.

На самом деле, Володя хотел сделать отцу сюрприз и уже договорился о покупке почти нового «Жигуленка» седьмой модели. Хозяин продавал машину вместе с гаражом, просил целых триста тысяч. Это было немного больше, чем Володина прибыль от операции «Князь Владимир», но инфляция уже бушевала вовсю, цены росли каждый день, и он согласился. Недостающую часть обещал дать в долг друг-кооператор.

Утром мешок отвезли в гараж, где Семен должен был отсортировать деньги, завернутые в пакетики, поделить между друзьями и подготовить триста тысяч в удобоваримом виде. Продавца машины Володя знал давно, и они договорились, что они сначала оформят документы по продаже на машину и гараж, а потом произведут расчет. К обеду все было готово, и Володя, с уже прежним хозяином машины, зашли в мастерскую, где и решено было передать деньги.

На дверях гаража-мастерской висела табличка: «Закрыто на переучет». Все оборудование сдвинули в

один угол. На бетонном полу ровным слоем располагались пачки денег. Денег было столько, что они покрыли весь пол, не оставив даже дорожки для прохода. Среди них ползал на четвереньках Семен, складывая пачки по номиналу ровными рядами. Губы его что-то шептали, в руках он держал огрызок карандаша и записывал.

У ворот внутри гаража стоял тот самый двухметровый племянник с грозным видом и фомкой в руках. Видимо, Семен попросил его побыть в гараже для охраны, и он таким образом выполнял поручение. У бывшего хозяина «Жигуленка» от ужаса округлились глаза, он выбежал из гаража и с необыкновенной скоростью рванул по дороге. Володе стоило большого труда его догнать и успокоить.

Они потом еще долго сидели все вместе на старом диване в гараже и пили водку. Бывший хозяин машины опрокидывал рюмку за рюмкой и зачем-то все время повторял:

— Че-то испугался я, ребята. Грабят же везде. За сто рублей убивают. А тут такие деньжищи, и парень этот с фомкой... Извините уж меня.

Поздно вечером его триста тысяч сложили в две большие сумки, отвели продавца домой, и передали вместе с сумками жене из рук в руки.

Крокодил Гена принял нового красивого собрата спокойно.

— Пусть себе начальство катает, а я все равно старше и лучше, а работы всем хватит, — похоже, молчаливо думал он.

А вот отец Володи был вне себя от гнева.

— Вы хоть понимаете, куда полезли? Это водочный бизнес. Самый криминальный. Там каждый день кого-то или в тюрьму сажают, или убивают! — кричал он. — Чтоб

это было в первый и последний раз! — поставил он точку в разговоре.

В семье Славиных слово отца не обсуждалось. Отец оказался прав. Буквально через пару месяцев на ликероводочный завод неожиданно нагрянула налоговая полиция. Было заведено сразу несколько уголовных дел. Директор завода выкрутился, но нескольких человек посадили всерьез и надолго.

Кооператив по ремонту машин продолжал работу. Семен на самом деле совсем бросил пить. У него оказались золотые руки, он действительно любил машины и пропадал в гараже сутками. По единодушному решению отца и сына Славиных, Семена приняли в кооператив равноправным членом, и он из наемного рабочего превратился в совладельца.

Кооператоры выкупили соседний гараж и переоборудовали его в камеру для покраски машин, а скоро в кооперативе появился и почти новый «Москвич—пирожок». Вот тогда Гена загрустил по-настоящему. Двигатель застучал, привычный металлический скрежет при езде стал сильнее. Технический совет вынес вердикт: требуется дорогой капитальный ремонт, и проще купить новую машину.

Настало время уходить Гене на покой. Семен чуть не плакал. Ночью он снял с любимой машины номера, подогнал кран и установил Гену на крышу гаража. Скорее всего, это был первый памятник началу кооперативного движения в стране. С крыши гаража ушедший на покой Крокодил Гена гордо смотрел на проезжавшие мимо машины...

Тем временем шла уже вторая половина легендарных девяностых, страну нещадно лихорадило.

Гиперинфляцию сменила так называемая жесткая финансовая реформа. Но если просто печатать деньги нельзя, их надо где-то взять. Экономика лежала на боку, буржуи в лице Международного валютного фонда деньги в долг России давали крайне неохотно и все время ставили свои буржуйские условия для выдачи кредитов.

Вот тогда и пришла правителям идея занимать деньги внутри страны, появились государственные краткосрочные облигации, — те самые пресловутые ГКО.

Придумал это чудо Чубайс, или Рыжий Черт, как называли его в народе.

Денежки государство занимало у всех, кто в долг давал. На проценты не скупилось, на круг выходило около 60 процентов годовых. При фиксированной стоимости валюты около 6 рублей за доллар — это фантастическая, нигде в мире не виданная доходность для государственных бумаг.

В стране был настоящий экономический разврат. Работать не надо, строить ничего не надо, производить ничего не надо. Дал денежки государству в долг — и сиди, кури. Если просто сидеть не интересно, можно на бирже с ГКО поиграть, еще процентов 20 накрутить при удаче. На эту удочку в то время клюнули многие предприниматели и банки. Играть на рынке ГКО стало модным. В банках создавались специальные площадки, оснащенные онлайн—связью с биржей, где даже частные лица могли покупать и продавать свои ценные бумаги. Не обошла эта мода и семью Славиных.

— Все! — сказал как-то Володя. — Надоело в чужих машинах ковыряться и налоги в никуда платить. Сейчас все умные люди или банкирами стали, или брокерами. Там и только там настоящие деньги, и никаких налогов. Я ухожу. Буду открывать свою брокерскую контору в Москве. Зря, что ли, я столько лет в институте экономику изучал!

— Хозяин — барин, — хмыкнул Володин отец, — мы с Семеном остаемся. Машины ломаются. Клиентов у нас хоть отбавляй. Мы без машин не можем, вся жизнь среди них прошла.

— Жаль, конечно, командир, — сказал Семен, — мы только-только еще один гараж прикупили, расширяться будем. Хотя... большому кораблю — большое плавание.

Володя снял в аренду небольшой офис в многоэтажке на окраине Москвы. Наладил прямую связь с московской биржей, где и торговали ГКО. Котировки выводились на компьютеры, и он получил возможность продавать и покупать бумаги в режиме реального времени. Рынок ценных бумаг крупные игроки частенько специально раскачивали слухами. То запускали информацию о смертельной болезни Ельцина, то о покушении на Чубайса, то просто о том, что все вот-вот рухнет к чертям собачьим. Умело играя на рынке, можно было заработать несколько десятков тысяч за один-два дня. Все это было заразительно, как казино, только на порядок сложнее, а потому — интереснее.

Вскоре в его офисе стали появляться серьезные игроки. Руководители соседних предприятий через него загоняли свободные корпоративные деньги на биржу, и, поиграв несколько месяцев, возвращали их обратно, складывая прибыль в личный карман. Играть на беспрерывно растущем рынке — одно удовольствие, и Володя, осмелев, стал брать деньги под проценты. Прокрутив на рынке, всегда вовремя возвращал, и сам оставался в большой прибыли.

Почти два года все шло хорошо, но летом 1998 года рынок начало особенно сильно штормить. Слухи о скорой кончине государственной пирамиды и возможной девальвации рубля стали особенно упорными. На душе у Володи было тревожно: уж слишком большие деньги он

занял в последнее время, и главное, часть из них — из кассы солнцевских, а эти, если что, не простят.

Славин решил зайти за советом к своему приятелю и партнеру по теннисному клубу — директору филиала «Стройтехбанка». Банк в рейтинге надежности занимал одно из первых мест в стране и тоже активно вкладывал деньги в акции и ГКО. Директор филиала — интеллигентный, очень умный и элитно образованный грузин — угостил Славина великолепным кофе и с улыбкой выслушал его сомнения.

— В мировой финансовой истории нет пока ни одного случая, чтобы государство объявило дефолт по внутренним долгам, — успокоил Володю банкир, но при прощании вдруг сказал:

— Завтра известный финансист, один из самых богатых людей России, Изволенский, устраивает банкет у себя в подмосковном поместье по случаю пятилетия его фирмы. По слухам, там будет сам Борис Немцов, вице-премьер наш нынешний, а он близкий друг и соратник Анатолия Чубайса и премьера Кириенко. Быть может, он что-нибудь скажет.

Пригласительный билет на вечерний банкет, я вам сделать не смогу. Там все уже расписано, но у Изволенского в поместье свои теннисные корты, и днем он устраивает небольшой турнир. Можете поиграть в теннис — вы ведь неплохо играете, заодно послушаете в перерывах умные разговоры. Кстати, говорят, у Изволенского большая коллекция отечественных автомобилей, именно отечественных, а вы ведь фанат. Я попрошу устроить вам маленькую экскурсию.

На импровизированный теннисный турнир на самом деле приехал Борис Немцов. Немцов был в великолепной форме и легко обыграл в теннис нескольких соперников, в том числе и Славина. Играл он очень эмоционально,

немного театрально и постоянно срывал аплодисменты зрителей. Участники турнира умели «правильно» играть в теннис, и главный приз — хрустальный кубок с золотым теннисным мячиком внутри — достался, конечно, вице-премьеру.

После игры прямо возле кортов был организован фуршет. Вокруг Немцова быстро собралась большая компания. Народ солидный, мягко говоря, небедный — банкиры, директора предприятий, политики. Всех интересовал один вопрос: что будет с рублем и с государственным внутренним долгом. Молодой, харизматичный красавец Борис Ефимович выступил перед собравшимися с блестящей убедительной речью, из которой всем сразу стало понятно, что долговые обязательства лучшего в мире государства под названием Россия — это святое. У страны нашей есть и заводы, и пароходы, и поля, и леса, а также нефть и газ, и значит, есть чем заплатить по любым долгам. Анатолий Чубайс и Сергей Кириенко — кристальной честности люди, никогда и никого не обманут и девальвации рубля не допустят.

— Ельцин вам не Мавроди со своим «МММ», а Чубайс — не Леня Голубков, — в конце речи под аплодисменты произнес Немцов, и пообещал, что, если что-нибудь будет угрожать нашим вложениям, он сразу каждого известит. Все обменялись визитными карточками и остались довольны друг другом. Немцов тут же поехал дальше решать свои сложные политические дела.

После фуршета Володин знакомый банкир подвел Славина к хозяину усадьбы и лично попросил разрешения показать коллекцию автомобилей. Хозяин милостиво разрешил. В огромной «конюшне» нувориша стояло полтора десятка автомобилей исключительно советского производства. Здесь была и послевоенная «Победа», и

«Волга» с оленем на капоте, и даже довоенный «ЗИС». И вдруг Славин увидел его... — в отдельном боксе стоял кабриолет благородного темно-серого цвета с апельсиново-солнечными кожаными сиденьями. Тот самый, который он впервые увидел тогда, на параде на Красной площади в Москве, тот, что потом часто снился ему ночами.

— Это — наша гордость,— сказал механик,— вы даже не представляете, во сколько он хозяину обошелся. На эти деньги можно купить половину этого гаража.

Слегка подвыпивший, впечатленный всем увиденным и в состоянии полной эйфории, Славин долго стоял возле машины. Он вспоминал тот самый парад, гордые слова деда: «Лучший в мире, у американцев таких нет», и свой детский сон-мечту. Ему вдруг снова нестерпимо захотелось проехать пассажиром в этом чуде автомобиле по Москве, и чтобы все восхищались и завидовали. Славин вдруг весь вспыхнул и засветился непонятным серебристым светом.

Это ДОЛЛАР, тот самый магический доллар с числами 13 на лицевой стороне банкноты возле портрета Джорджа Вашингтона, доллар исполнения желаний, принял заветное, выстраданное желание Славина и начал его исполнение. Каким образом и когда он попал к Володе, — неизвестно, да это и неважно.

Охранник испуганно смотрел на этот свет. Он протер глаза. Через несколько секунд свет стал слабее и совсем погас.

— Показалось, — подумал механик, а вслух сказал: — Все, экскурсия окончена, пора и честь знать.

После экскурсии Славин сразу уехал домой. На ночной банкет были допущены только самые близкие и очень состоятельные лица.

Американский спутник-шпион четко засек сигнал F—лучей, исходящий от ДОЛЛАРА. Уже через несколько минут точные координаты лежали на столе полковника ФСБ Фишмана.

— Поместье Изволенского. Это один из самых влиятельных и богатых людей новой России. Говорят даже, что он личный друг семьи Ельциных. Все опять не просто. Находит же ДОЛЛАР себе местечки, — размышлял Фишман.

Он позвонил председателю ФСБ.

— Обыск у самого Изволенского? Нет, я такого разрешения не дам, тем более, по нашим сведениям, у него сегодня банкет, и там, считай, все финансовые воротилы страны соберутся, — поразмыслив, сказал председатель. — Только сам Ельцин может тебе дать такое разрешение. Говорят, он сегодня в хорошем расположении духа, — смеясь, добавил он.

Фишман немного поразмыслил и набрал прямой телефон помощника президента, который у него был записан на самый крайний случай. Помощник внимательно выслушал его. Про тайну ДОЛЛАРА он, конечно, не знал, но фамилия Фишман была ему знакома. Он пообещал доложить о звонке Ельцину.

Уже через несколько минут в кабинете полковника зазвонил телефон спецсвязи.

— Миша! Где этот чертов ДОЛЛАР? Мне он сейчас позарез нужен, — услышал он знакомый голос президента.

— Есть предположение, что ДОЛЛАР находится на территории усадьбы Изволенского. Мне необходимо разрешение на обыск.

— Изволенский — это кто? А-а-а... Олигарх проклятый! Довели страну до ручки! Па-а-анимаешь. Сами жируют, а

народ голодает. Давить их всех надо! Разрешаю!!! Делай все, что хочешь, но ДОЛЛАР мне найди! — закончил Ельцин и положил трубку.

Фишману показалось, что президент не совсем трезв, но это уже не имело значения. Разрешение получено! Через два часа бойцы спецподразделения «Дельта» скрытно окружили усадьбу Изволенского. По плану, имеющемуся в ФСБ, у усадьбы было два выхода, но Фишман на всякий случай решил установить за усадьбой дополнительный контроль.

Все деревья вокруг усадьбы были предусмотрительно вырублены, чтобы наглые папарацци не смогли, залезая на них, вести фото— и видеосъемку. Но примерно в ста метрах от забора росла одна высоченная сосна, с совершенно гладким, без нижних веток, стволом. Сосну пожалели, предполагая, что она далеко, и залезть на нее невозможно. Невозможно, но не всем. Фишман недаром проходил спецподготовку в самом элитном подразделении США. С помощью специальных «когтей» он на глазах у изумленных подчиненных ловко забрался почти на самую вершину.

Фишман достал бинокль. Перед ним открылась совершенно необычная картина. Банкет был в разгаре. Специально для банкета Изволенский оформил площадку вокруг бассейна в римском стиле. Среди колонн и стилизованных под старину статуй на мягких диванах возлежали в одеждах римских патрициев гости. Возле них стояли столики с напитками и изысканными закусками. Голенькие официантки в одних крохотных передниках обслуживали «патрициев», подливая напитки в золоченые бокалы. На устроенном подиуме с блестящим шестом посередине, сменяя друг дружку, выступали длинноногие стриптизёрши. Несколько голеньких девочек эротично плавали в бассейне.

— Это не банкет, это оргия какая-то. Вся страна в нищете, а здесь — пир во время чумы! — подумал Фишман. Охраны не было видно, но высокий каменный забор был весь утыкан камерами слежения. Вдруг на одной из башенок замка вспыхнул луч прожектора. Пучок света прошелся по лесу и остановился на сосне, где сидел Фишман. Майкл понял, что его засекли.

— Инфракрасная оптика ночного видения, причем первоклассная, — подумал Майкл. — На охрану здесь денег не жалеют.

Калитка возле ворот открылась, из нее вышли два охранника в штатских костюмах и направились напрямиком к Майклу. Охранники неторопливо подошли к сосне.

— Ну, ты, журналюга, слезай, а то мы быстро тебе задницу отстрелим! — громко крикнул один из них.

Это были его последние слова в вертикальном положении, дальше он уже только мог мычать, лежа с кляпом во рту и наручниками на руках.

— Где охрана и сколько? — спросил один из бойцов «Дельты», вынимая на время изо рта одного из охранников кляп.

— В правом крыле, в цоколе, шесть человек, — запинаящимся голосом сказал охранник.

— Все! Работаем! — отдал команду Майкл по рации.

Штурм был стремительным. Бойцы «Дельты» со всех сторон атаковали имение. Накинув на край забора специальные веревки с крюками, они легко сразу в нескольких местах перемахнули через забор. Дьяволы в черных костюмах и масках неожиданно появились среди раскайфованных «патрициев». Сначала гости решили, что это очередной розыгрыш хозяина, и даже пытались аплодировать. Но когда, выяснилось, что «дьяволы» настоящие, началась паника.

Девушки визжали так, что было слышно во всей округе, а пьяные «патриции» устроили настоящий скандал. Высокопоставленные гости наперебой что-то кричали, размахивали руками, грозились позвонить генеральному прокурору и самому президенту. Бойцы «Дельты» особо с ними не церемонились. Они тоже, как и весь российский народ, мягко говоря, недолго любили разжиревших после грабительской приватизации нуворишей. Пинками и оплеухами дельтовцы быстро успокоили самых крикливых, потом всех положили лицом вниз на бетонный пол.

Девочек построили в ряд у бассейна.

Охрана замка даже не пыталась оказать сопротивление, они просто побросали оружие и, как по команде, молча выстроились лицом к стене с поднятыми руками.

— Молодцы! Вот что значит, люди военные, — похвалил их один из бойцов «Дельты», подбирая брошенные на пол пистолеты.

— Прекрасная картина! Дорого бы заплатила желтая пресса за фотографии финала этого праздника, — сказал Фишман Изволенскому. Тот только шипел в ответ, грозя страшными карами этому странному полковнику.

Первыми Майкл допрашивал девочек.

«Это же надо так любить деньги», — думал Фишман, разглядывая очередную молодую хорошенькую стриптизершу. Судя по вещам и дорогой косметике, эти девочки в своей жизни явно не голодали.

— Я не такая, я здесь впервые, я больше не буду! Отпустите меня, — просила очередная девушка.

— Идите, — говорил Майкл, разрешая забрать уже тщательно осмотренные вещи.

Бойцы «Дельты» выставляли очередную красавицу за ворота. Жильцы соседних домов и пассажиры редких

машин, проезжающих по шоссе, могли наблюдать странную картину. По дороге в сторону Москвы группами и в одиночку брели ярко одетые девицы в туфлях на высоких каблуках. От предложений дальнобойщиков подвести до города, девицы категорически отказывались. В конце концов, большинство из них собрались около ближайшей остановки автобуса. Ночью было прохладно, и девицы разожгли большой костер, до утра пели песни и пританцовывали, чтоб согреться.

— Вроде и праздника никакого нет, да и не полнолуние сейчас, и чего это вы, ведьмы, разгулялись? — весело спросил водитель первого пятичасового автобуса, забирая девчонок.

— Мы не ведьмы вовсе, мы гетеры. Нас римские боги на праздник пригласили, а черные дьяволы выгнали, — заявила одна из них.

— Ну, тогда понятно, с ведьмами обычно бывает наоборот, — рассмеялся водитель.

Допросы и обыски на усадьбе Изволенского длились остаток ночи и весь следующий день. Спецназовцы перевернули весь дом. ДОЛЛАРА не было! Зато в сейфах у Изволенского нашли столько неучтенной валюты и драгоценностей, что хватило бы накормить целый город. Нашли и досье на многих известных чиновников, и даже фотографии и видеосъемку, как и кто из них развлекается с подставными девочками. Изволенского и еще парочку лиц отправили в СИЗО. Остальных отпустили.

На следующий день Москва взорвалась слухами.

— Все! Капитализму конец! Ельцин дал команду всех олигархов пересажать и деньги забрать, — шептались в курилках. — Банки закроют, валюту запретят. Спасайся, кто может!

Стоимость российских акций резко упала в цене. На фоне слухов брокеры активно играли на понижение. Ситуация стала критической.

Председатель ФСБ позвонил Фишману:

— Ты даже не представляешь, что ты натворил. Ты своим обыском угробил всю финансовую систему страны.

— У меня разрешение самого Ельцина, — сказал Фишман. А сам подумал: «Это что за страна такая, если ее финансовую систему можно угробить одним обыском?»

На следующий день вечером по телевизору выступил сам Борис Николаевич. Сжав огромные кулаки, он громовым голосом на всю страну заявил:

— У нас все под контролем! Девальвации рубля не будет!

— Все! Это точно конец! — решили инвесторы. — Если уж сам Ельцин говорит, что девальвации не будет, значит, она точно будет.

В понедельник, 17 августа, на бирже царила паника. Все стремились продать свои акции и переложить деньги в валюту. Торги на бирже дважды останавливали, пытались сбить ажиотаж. Но все было тщетно.

Телефон в офисе у Славина беспрерывно звонил:

— Привет! Ты вчерашнее выступление Ельцина слышал? Что ты по этому поводу думаешь? Что будем делать?

— Не знаю, — честно отвечал Володя.

Котировки акций и облигаций государственного займа упали настолько, что продавать их стало бессмысленно, да и покупателей практически не было.

Вспоминая пламенную речь Немцова, Володя решил переждать панику. Кстати, номер телефона Немцова, указанный в визитке, упорно не отвечал.

В этот же день вечером премьер Кириенко, или Мальчиш–Плохиш, как назвали его потом в народе, своим указом закрыл биржу ценных бумаг, прекратил выплату по долговым обязательствам государства и продажу валюты, а сам подал в отставку. Это был самый настоящий внутренний дефолт. Впервые в мировой истории государство отказалось платить своему народу по внутренним долгам.

В офис к Славину утром зашел его приятель Женя — владелец маленького продуктового магазинчика, размещенного на первом этаже многоэтажки. Он тоже вложил часть своих денег в облигации, иногда обращался к Славину за финансовой консультацией. Холеный, всегда хорошо одетый, Женя был большим любителем красивой жизни и женщин. Заработав за неделю денег, он обычно в пятницу нырял в ночной клуб, а потом в понедельник вздыхал:

— Там столько красивых девушек! Работы вал! А тут прилавок, будь он неладен!

В этот день Женя нервно ходил по кабинету Славина, ломал руки и спрашивал:

— Что делать, что делать? Это что ж, теперь валюты не будет?

— Валюта-то будет, только, сколько она стоит будет, никто не знает, — отвечал Володя.

— Так у нас почти вся жратва в стране импортная, перебоев с продуктами то хоть не будет? — переживал Женя, и на лице его заранее отражались муки голода.

— Голода, может, и не будет, но подорожает все — это точно.

— За что боролись? За что боролись? Ведь я в 91-ом сам Ельцину помогал, считай, жизнью рисковал.

Володя попытался представить Женю на танке с автоматом, но у него не получалось, получалось только в клубе с девочками и шампанским.

— Надо сегодня все покупать, завтра в магазинах пусто будет, — подвел итог Женя.

Он взял у Славина в долг денег и уехал. Появился он часа через два и начал выгружать из своей до верха загруженной «Волги» и таскать в магазин ящики и коробки. Несколько коробок он занес и кабинет Славина.

— Это я все на оптовке взял по минимальным ценам, пусть пока у тебя в офисе полежат, у меня уже места нет.

В ящиках и коробках были импортные сигареты, баночное пиво, водка, вино, консервы.

— Ты не представляешь, что творится в городе. Банки все закрыты, вкладчики двери ломают, по городу люди толпами бегают от одного пустого банкомата к другому. Народ в магазинах все подряд метет. Пенсионеры спички скупают, соль и гречку. Никто ничего толком не понимает.

Кто говорит, что в стране военный переворот, кто — что вообще война будет.

— Ну их всех к черту! Давай лучше выпьем, — предложил Славин. Думаю, это просто паника, дня через три все образуется.

Они накрыли стол прямо в офисе. Банкет получался шикарным. Шведская водка, немецкое пиво, финская колбаса, маслины, французский сыр.

— Всегда бы такой кризис! — подумал Славин, вспомнив голодные годы последних лет перестройки.

К вечеру душа потребовала приключений, приятели уехали в ночной клуб. В клубе, как ни в чем не бывало, гулял поддатый народ, и всюду крутили стриптиз. Почти голенькие, наштукатуренные и вконец прокуренные девицы по очереди кое-как залезали на шест, а потом сразу бежали выпрашивать деньги у поддатых мужиков.

— Доллары давай, доллары, — обнаглела одна из них, получив от Володи русскую сотню.

— Все, — сказал Володя, — кончились в стране доллары. Чубайс все забрал!

— А мне и с рублями хорошо, — сказала вторая, сверкая огромными пьяными глазами.

— Молодец! Наш человек! — воскликнул весьма пьяненький Женя. — Долой ножки Буша! Мы вырастим собственных медведей величиной с куриц, то есть, наоборот, — куриц величиной с медведя!

Шли дни. Предположения Славина о том, что это просто паника, и кризис через три дня завершится, не оправдались. Банки закрывались один за другим. Ельцин больше не показывался на экранах телевизоров. Стало понятно, что кризис всерьез и надолго. У входа в Володин офис каждое утро дежурили кредиторы.

Славин отключил в офисе все телефоны, отпустил секретаршу в неоплачиваемый отпуск, закрыл двери на ключ и конкретно запил. Он и ночевал прямо в офисе на диване, подозревая, что и дома его могут искать. Водка на какое-то время притупляла страх и спасала от нервного срыва, но потом становилось еще хуже.

Каждый день утром он включал компьютеры и с надеждой смотрел на экраны мониторов, но чуда не происходило. Внутренний дефолт стал реальностью. Государство в очередной раз кинуло своих граждан.

И вот, через три недели ожидания и пьянства, нервы не выдержали. Владимир Сергеевич Славин решил прекратить для себя эту страшную историю, прыгнуть вниз головой с двенадцатого этажа, и открыл окно... К счастью, в этот день он выходил на несколько минут из офиса и забыл запереть дверь кабинета на ключ. Семен подоспел вовремя. Еще бы несколько секунд, и наша история не состоялась...

Созданный специально для военных парадов почти семиметровый «ЗИЛ–41044» вальяжно катил по московским улицам. До Славина только сейчас дошло, что это не сон, что сбылась мечта его детства. Он в лучшем в мире кабриолете пассажиром едет по Москве, что это ему уступают дорогу «Мерседесы» и «БМВ», что это ему отдают честь гаишники и его восхищенными глазами встречают прохожие.

— Где ты его взял? — еще раз спросил Славин у Семена.

— Так Изволенского же посадили, банк его лопнул, а у него долгов оказалось немерено. Он даже солнцевским браткам оказался должен. Нашел, у кого деньги брать! Те на его жену наехали. Она машинами из его коллекции откупилась. Братки на этом кабриолете решили девочек покатать. В лесу на полной скорости на пень наскочили. Кардан полетел и коробка-автомат вдребезги. Они мне его на тросе притащили. Я говорю, мол, хана вашей машине. Здесь все уникальное. Никаких запчастей нет. В общем, тащите его обратно в музей.

А браткам ведь на хрена музей? Им на стрелки ездить надо, вопросы решать, девочек катать. Вот они его у меня на «БМВ» и сменили. «Бэхе» той лет десять, но она большая, черная и на ходу. Как раз бандитская машина. А дальше — все просто. Отец твой ведь в кремлевском гараже работал. Там нам и коробку новую нашли, а кардан мы сами починили. Три дня ремонта — и всех делов.

— Повезло тебе — такую машину, считай, задарма оторвал.

— Не тебе, а нам. «Бэха» та на фирму записана была. Мы ее с отцом на кооперативные деньги аварийную задешево купили, потом вместе ремонтировали. Мы и эту

машину на фирму записали. Все по-честному. Так что, ты совладелец, ведь из учредителей фирмы тебя никто не исключал.

Славин слушал и не верил. Неужели так неожиданно сбылась его мечта!

И помог в этом кризис. Тот самый дефолт. Он и не подозревал, что это ДОЛЛАР, тот самый магический доллар, вот таким странным образом выполнил его заветное желание.

В узкий гаражный переулок длинный кабриолет не смог въехать. Не хватило радиуса разворота, да и лишним он был на этом празднике старых друзей. Пока Семен накрывал на стол, Володя включил радио в том самом «Жигуленке», купленном на алкогольные деньги и мирно стоящем в гараже.

Из динамиков, как ни в чем не бывало, лилась веселая музыка. Казалось, что нет в стране никакого кризиса, и все хорошо. В новостях диктор совершенно будничным голосом сказал, что правительством Российской Федерации принято решение: физическим лицам, вложившим свои сбережения в ГКО, деньги будут возвращены.

— Что он там говорит? — спросил Семен.

— Он сказал, что мне сказочно повезло. Новый премьер обещает мои деньги вернуть. Конечно, не сразу и, конечно, рублями. А вот юридическим лицам — банкам, предприятиям и всяким разным фондам — никто ничего возвращать не собирается. Надо, конечно, еще все подсчитать. Но, похоже, что я спасен, — еще слабо веря в то, о чем говорит, ответил ему Славин.

— Ты бы завязал с этими своими акциями. Мы с твоим отцом сегодня салон продажи автомобилей открываем. Взяли в аренду здание в хорошем месте. Отцу тяжело

работать, на пенсию просится, а я один не справлюсь, — сказал Семен.

— А почему сегодня?

— Так сегодня 13 сентября. Ты со своими акциями забыл, что у отца сегодня день рождения.

«И правда, ведь у отца день рождения сегодня, как же я мог забыть!» — подумал Славин.

— А как салон будет называться? — спросил он вслух.

— «Крокодил Гена», конечно, — и вывеску уже повесили, и рекламный символ у автосалона есть, — сказал Семен и посмотрел наверх. Там, на крыше гаража, стоял и гордо смотрел на мир тот самый нелепый зеленый грузовичок, Крокодил Гена, с которого все тогда началось...

Через некоторое время Владимир Сергеевич Славин начал свою работу коммерческим директором нового автосалона. С кредиторами он рассчитался полностью. Рублями, конечно, и по старому курсу, но многие из них были счастливы, что хоть что-то получили. Ведь многие вкладчики банков потеряли вообще все.

Ну а ДОЛЛАР, магический доллар исполнения желаний с четырьмя числами 13 на лицевой стороне банкноты, продолжил свое путешествие по огромной странной стране под названием Россия...